

**Заключительный этап VIII Всероссийской олимпиады школьников
по обществознанию**

17 – 23 апреля 2011 г.

9 – 11 классы

3-й тур

Дорогие участники олимпиады, вам на выбор предлагаются тексты, относящиеся к различным областям обществознания и обозначенные разными буквами (соотнесенность дисциплин и букв приведена ниже).

Вы должны выбрать один из текстов по своему усмотрению, и проанализировав его, выступить оппонентом автора текста. Вам надлежит:

- разобраться в нелегком научном тексте;
- критически проанализировать содержащуюся в нем авторскую позицию;
- выступить оппонентом автора, опровергнуть его аргументы;
- и, если сумеете, предложить альтернативное решение рассматриваемой проблемы (это возможно делать и при использовании иных существующих в науке подходов к анализу рассматриваемых явлений).

Удачи!

К — культурология

П — политология

С — социология

Ф — философия

Э — экономика

Ю — юриспруденция

К

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ

[...]

I

Произведение искусства в принципе всегда поддавалось *воспроизведению*. То, что было создано людьми, всегда могло быть повторено другими. По сравнению с этой деятельностью *техническое репродуцирование* произведения искусства представляет собой новое явление, которое приобретает все большее историческое значение.

Фотография впервые освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу.

На рубеже XIX и XX веков *средства технической репродукции достигли уровня, находясь на котором они не только начали превращать в свой объект всю совокупность имеющихся произведений искусства и серьезнейшим образом изменять их воздействие на публику, но и заняли самостоятельное место среди видов художественной деятельности*. Для изучения достигнутого уровня нет ничего плодотворнее анализа того, каким образом два характерных для него явления — художественная репродукция и киноискусство оказывают обратное воздействие на искусство в его традиционной форме.

Даже в самой совершенной репродукции отсутствует один момент: здесь и сейчас произведения искусства — его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. [...] Здесь и сейчас оригинала определяют понятие его подлинности. Все, что связано с подлинностью, недоступно технической — и, разумеется, не только технической — репродукции. Но если по отношению к ручной репродукции — которая квалифицируется в этом случае как подделка — подлинность сохраняет свой авторитет, то по отношению к технической репродукции этого не происходит. ...

Собор покидает площадь, на которой он находится, чтобы попасть в кабинет ценителя искусства; хоровое произведение, прозвучавшее в зале или под открытым небом, можно прослушать в комнате. *Обстоятельства, в*

которые может быть помещена техническая репродукция произведения искусства, даже если и не затрагивают во всем остальном качество произведения — в любом случае они обесценивают его здесь и сейчас.

Подлинность какой-либо вещи — это совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от своего материального возраста до исторической ценности. Поскольку первое составляет основу второго, то в репродукции, где материальный возраст становится неуловимым, поколебленной оказывается и историческая ценность. И хотя затронута только она, поколебленным оказывается и авторитет вещи.

То, что при этом исчезает, может быть суммировано с помощью понятия ауры в эпоху технической воспроизводимости произведение искусства лишается своей ауры. Этот процесс симптоматичен, его значение выходит за пределы области искусства. *Репродукционная техника, так можно было бы выразить это в общем виде, выводит репродуцируемый предмет из сферы традиции.* Тиражируя репродукцию, она заменяет его уникальное проявление массовым. А позволяя репродукции приближаться к воспринимающему ее человеку, где бы он ни находился, она актуализирует репродуцируемый предмет.

Оба эти процесса вызывают глубокое потрясение традиционных ценностей — потрясение самой традиции, представляющее обратную сторону переживаемого человечеством в настоящее время кризиса и обновления. *Они находятся в теснейшей связи с массовыми движениями наших дней. Их наиболее могущественным представителем является кино.* Его общественное значение да же в его наиболее позитивном проявлении, и именно в нем, не *мыслимо без ликвидации традиционной ценности в составе культурного наследия. Это явление наиболее очевидно в больших исторических фильмах [...].*

П

Понятие политического

Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Ведь **политическое имеет свои собственные критерии**, начинающие своеобразно действовать в

противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому. Поэтому политическое должно заключаться в собственных последних различениях, к которым может быть сведено все в специфическом смысле политическое действие. Согласимся, что в области морального последние различения суть «доброе» и «злое»; в эстетическом — «прекрасное» и «безобразное»; в экономическом — «полезное» и «вредное» или, например, «рентабельное» и «нерентабельное». Вопрос тогда состоит в том, имеется ли также особое, иным различием, правда, неоднородное и не аналогичное, но от них все-таки независимое, самостоятельное и как таковое уже очевидное различие как простой критерий политического и в чем это различие состоит.

Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различие невыводимо из иных критериев, такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д. Во всяком случае, оно самостоятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним. Если противоположность доброго и злого просто, без дальнейших оговорок не тождественна противоположности прекрасного и безобразного или полезного и вредного и ее непозволительно непосредственно редуцировать к таковым, то тем более непозволительно спутывать или смешивать с одной из этих противоположностей противоположность друга и врага.

Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически независимо оттого, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть

разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего. [...]

Понятие «друг» и «враг» следует брать в их конкретном, экзистенциальном смысле, а не как метафоры или символы; к ним не должны подмешиваться, их не должны ослаблять экономические, моральные и иные представления, и менее всего следует понимать их психологически, в частно-индивидуалистическом смысле, как выражение частных чувств и тенденций. **«Друг» и «враг» — противоположности не нормативные и не «чисто духовные».** Либерализм, для которого типична дилемма «дух — экономика», [...] попытался растворить врага со стороны торгово-деловой в конкуренте, а со стороны духовной в дискутирующем оппоненте. Конечно, в сфере экономического врагов нет, а есть лишь конкуренты; в мире, полностью морализованном и этицированном, быть может, уже остались только дискутирующие оппоненты.

Все равно, считают ли это предосудительным или нет, усматривают ли атавистический остаток варварских времен в том, что народы реально подразделяются на группы друзей и врагов, или есть надежда, что однажды это различие исчезнет с лица земли; а также независимо от того, хорошо ли и правильно ли (по соображениям воспитательным) выдумывать, будто врагов вообще больше нет, — все это здесь во внимание не принимается. Здесь речь идет не о фикциях и нормативной значимости, но о бытийственной действительности и реальной возможности этого различения. Можно разделять или не разделять эти надежды и воспитательные устремления; то, что народы группируются по противоположности «друг — враг», что эта противоположность и сегодня действительна и дана как реальная возможность каждому политически существующему народу, — это разумным образом отрицать невозможно.

Итак, враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере, эвентуально, т.е. по реальной возможности, — это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным. [...] Врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть, и лишь в сфере частного имеет смысл любить «врага своего», т.е. своего противника. [...]

Политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг — враг».

Внутри государства как организованного политического единства, которое как целое принимает для себя решение о друге и враге, наряду с первичными политическими решениями и под защитой принятого решения возникают многочисленные вторичные понятия о «политическом». Сначала это происходит при помощи [...] отождествления политического с государственным. Результатом такого отождествления оказывается, например, противопоставление «государственно-политической» позиции партийно-политической или же возможность говорить о политике в сфере религии, о школьной политике, коммунальной политике, социальной политике и т.д. самого государства. Но и здесь для понятия политического конститутивны противоположность и антагонизм внутри государства (разумеется, релятивированные существованием государства как охватывающего все противоположности политического единства).

Наконец, развиваются еще более ослабленные, извращенные до паразитарности и карикатурности виды «политики», в которых от изначального разделения на группы «друг — враг» остается уже лишь какой-то антагонистический момент, находящий свое выражение во всякого рода тактике и практике, конкуренции и интригах и характеризующий как «политику» самые диковинные гешефты и манипуляции. Но вот то, что отсылка к конкретной противоположности содержит в себе существо политических отношений, выражено в обиходном словоупотреблении даже там, где уже полностью потеряно сознание «серьезного оборота дел». [...]

Понятие «враг» предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы. Тут надо отрешиться от всех случайных, подверженных историческому развитию изменений в технике ведения войны и изготовления оружия. Война есть вооруженная борьба между организованными политическими единствами, гражданская война — вооруженная борьба внутри некоторого (становящегося, однако, в силу этого проблематическим) организованного единства. Существенно в понятии оружия то, что речь идет о средстве физического убийства людей.

Так же, как и слово «враг», слово «борьба» следует здесь понимать в смысле бытийственной изначальности. Оно означает не конкуренцию, не чисто духовную борьбу-дискуссию, не символическое борение, некоторым образом всегда совершаемое каждым человеком, ибо ведь и вся человеческая жизнь есть борьба и всякий человек — борец. **Понятия «друг», «враг» и «борьба» свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотнесены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства.** Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то

нормальным, но ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, а скорее, она должна оставаться в наличии как реальная возможность, покуда смысл имеет понятие врага. [...]

С

Социальные факты и социальные идеи

«Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них новых идей, которыми он и руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они отвечают, то мы естественно склонны заменять ими последние и сделать их предметом наших размышлений. **Вместо того, чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда приведением в ясность наших идей, их комбинированием и анализом. Вместо науки о реальностях получается лишь анализ идей.** Конечно, этот анализ не исключает непременно всякое наблюдение. К фактам могут обращаться для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы, но факты в этом случае являются чем-то второстепенным, в виде примеров или доказательств; **они не служат предметом науки.** Последняя идет от идей к вещам, а не от вещей к идеям.

Ясно, что этот метод не может дать объективных выводов. Действительно, эти понятия или концепции, как бы их не называли, не являются законными заместителями вещей.

...(Но) Такой прием столь согласен с естественной склонностью нашего ума, что он встречается даже при начале физических наук; — это он отличает алхимию от химии и астрологию от астрономии.

...Если таково было положение естественных наук, то еще более было оснований для подобного же положения социологии. **Люди не дожидались социальной науки для того, чтобы составить себе понятия о праве, нравственности, семье, государстве, обществе, потому что они не могли жить без них. И в социологии более, чем где-нибудь, эти praenotiones (предпонятия) ...могут господствовать над умами и заменять собой вещи.**

...И действительно, до сих пор социология почти исключительно рассуждала не о вещах, а о представлениях.

...В специальных отраслях социологии этот метод присутствует еще более явно.

Особенно часто он используется в изучении ПРАВСТВЕННОСТИ. Действительно, можно сказать, что нет ни одной системы, в которой она не

представлялась бы простым развитием первоначальной идеи, заключающей в себе все. Одни думают, что эту идею человек находит вполне готовой в себе при своем рождении; другие, наоборот, полагают, что она слагается более или менее медленно в течение истории. Но как для тех, так и для других, как для эмпиристов, так и для рационалистов она составляет все *действительно реальное* в нравственности. Что же касается деталей юридических и нравственных правил, то они не имеют, так сказать, собственного существования, а являются лишь различными, смотря по обстоятельствам, применениями этой основной идеи к отдельным случаям жизни. **При таких условиях объектом этики является не система правил, ...а идея, из которой они вытекают, и разнообразными применениями которой они являются.** Поэтому все вопросы, которые задает себе обыкновенно этика, относятся не к предметам, а к идеям; нужно узнать, в чем состоит идея права, идея нравственности, а не какова природа нравственности и права, взятых сами в себе. **Моралисты еще не дошли до той простой мысли, что подобно тому, как наше представление о чувственных предметах проистекает от этих самых предметов и выражает их более или менее точно, так и наше представление о нравственности вытекает из наблюдения правил, функционирующих у нас перед глазами, и изображает их схематически;** что вследствие этого эти-то правила, а не общее представление о них, составляют содержание науки точно так же, как предметом физики служат тела в том виде, в каком они существуют, а не идеи, составляемые о них толпой. Отсюда вытекает, что основанием нравственности делают то, что является ее вершиной, а именно ту форму, в которой она отражается и продолжает свое бытие в индивидуальных сознаниях.

И этому методу следуют не только в самых общих, но и в социальных вопросах науки. От основных идей, исследуемых в начале, моралист переходит к идеям второстепенным, к идеям семьи, родины, ответственности, милосердия, справедливости; но его рассуждения относятся всегда только к идеям.

... А между тем социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Для того, чтобы доказать это положение, не нужно философствовать об их природе, разбирать их аналогию с явлениями низших царств. Достаточно указать, что для социолога они представляют единственное данное (*datum*). Вещью же называется все, что дается, что предлагается, или, скорее, навязывается наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления, бесспорно, обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, — она ему недоступна, — а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. **Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение».**

... Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные факты как явления сами по себе, отделяя их от осознающих их себе субъектов. Их нужно изучать извне, как внешние вещи, ибо именно в таком качестве они предстают перед нами.

О ПРИНЦИПАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Объекты представляют из себя либо идеи (ideas), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо идеи, образуемые при помощи памяти и воображения, наконец, идеи, возникающие через соединение, разделение или просто представление того, что было первоначально воспринято одним из вышеуказанных способов. Посредством зрения я составляю идеи о свете и цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное. ... Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например, наблюдают соединенными вместе определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, — признают это за отдельную вещь и обозначают словом яблоко...

Но рядом с этим бесконечным разнообразием идей или предметов знания существует равным образом нечто познающее или воспринимающее их и производящее различные действия, как-то: хотение, воображение, воспоминание. Это познающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь, совершенно отличную от них, в которой они существуют, или, что то же самое, которой они воспринимаются, **так как существование идеи состоит в ее воспринимаемости.**

Ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. Различные ощущения или идеи, запечатленные в чувственности, как бы смешаны или соединены они ни были между собой (т. е. какие бы предметы ни образовали), не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что, если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его. *Esse (т. е. бытие)* вещей есть *percipi* (быть воспринимаемыми), и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духа или воспринимающих их мыслящих вещей.

А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (ideas or sensations)?

Свет и цвета, тепло и холод, протяжение и формы, словом, все вещи, которые мы видим и осязаем, — что они такое, как не разнообразные ощущения, понятия, идеи и чувственные впечатления? И возможно ли даже мысленно отделить которую-либо из них от восприятия? ... Моя способность мыслить или воображать не простирается далее возможности реального существования или восприятия. Поэтому, как я не в состоянии видеть или осязать нечто без действительного ощущения вещи, точно так же я не в состоянии помыслить ощущаемые вещь или предмет независимо от их ощущения или восприятия. На самом деле объект и ощущение одно и то же (are the same thing) и не могут поэтому быть абстрагируемы одно от другого [6].

Некоторые истины столь близки и очевидны для ума, что стоит лишь открыть глаза, чтобы их увидеть. Такой я считаю ту важную истину, что **все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне (мыслящего) духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа**, и что совершенно немислимо приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа.

Нет иной субстанции, кроме духа или того, что воспринимает; но для более полного доказательства этого положения надо принять в соображение, что ощущаемые качества суть цвет, форма, движение, запах, вкус и т. п., т. е. идеи, воспринятые в ощущениях.

Если допустить возможность существования вне духа вещественных, имеющих форму и подвижных субстанций, соответствующих нашим идеям о телах, то как было бы возможно для нас знать о них? ... Остается допустить, что, поскольку мы обладаем каким-нибудь знанием внешних предметов, это знание приобретается благодаря рассудку, умозаключающему об их существовании из того, что непосредственно воспринято в ощущении. Но я не вижу, какой рассудок может привести нас к выводу о существовании тел вне духа...

К чему распространяться о том, что может быть с полнейшей очевидностью доказано в одной или двух строках каждому, кто мало-мальски способен к размышлению? Вам стоит только вникнуть в свои собственные мысли и испытать, таким образом, в состоянии ли вы представить себе возможным, чтобы звук, форма, движение и цвет существовали вне духа, или невоспринятые. Этот простой опыт покажет вам, что ваше утверждение заключает в себе полнейшее противоречие.

Все наши идеи, ощущения, понятия или вещи, воспринимаемые нами, неактивны, в них нет никакой силы или деятельности. Нам стоит лишь понаблюдать за своими идеями, чтобы убедиться в истине этого положения. Ибо из того, что они сами и каждая их часть существуют лишь в духе, следует, что в них нет ничего, кроме того, что воспринимается.

Я нахожу, что могу произвольно вызывать в моем духе идеи и изменять и разнообразить их вид так часто, как я найду нужным. Мне стоит лишь захотеть, и

немедленно та или иная идея возникает в моем воображении, и той же силой она устраняется и уступает место другой. Это произведение и уничтожение идей дает нам полное право называть дух деятельным.

Но какую бы власть я ни имел над моими собственными мыслями, я нахожу, что идеи, действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в такой же зависимости от моей воли. Когда я открываю глаза при полном дневном свете, то не от моей воли зависит выбрать между видением или невидением, а также определить, какие именно объекты представятся моему взгляду... Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их.

...нам необходимо употребить некоторое время на рассмотрение тех возражений, которые могут, вероятно, возникнуть по поводу вышеизложенных принципов. Если, исполняя это, я для людей быстрого ума покажусь слишком многословным, то надеюсь, что они извинят меня, так как не все одинаково легко понимают такого рода вещи, а я желаю быть понятым всеми.

Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, — реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Я повторю сказанное в общих чертах. Существуют духовные субстанции, духи или человеческие души, которые по своему усмотрению хотят идей или вызывают в себе идеи; но эти идеи бледны, слабые неустойчивы по сравнению с теми, которые мы воспринимаем в чувствах. Эти последние идеи, будучи запечатлеваемы в нас по известным правилам и законам природы, свидетельствуют о действии ума, более могущественного и мудрого, чем ум человеческий. Такие идеи, как говорят, имеют больше реальности, чем предыдущие; это значит, что они более ясны, упорядочены, разделены и что они не являются фикциями ума, воспринимающего их. В этом смысле Солнце, которое я вижу днем, есть реальное Солнце, а то, которое я воображаю ночью, есть идея первого. В указанном здесь смысле слова реальность очевидно, что каждое растение, каждая звезда, каждый минерал и вообще каждая часть мировой системы есть столь же реальная вещь, по нашим принципам, как и по всяким иным. Понимают ли другие люди нечто иное, чем я, под термином реальность; для решения этого вопроса я попрошу их вникнуть в собственные мысли и задуматься.

Э

Принципы экономической науки

Равновесие нормального спроса и предложения.

Нам предстоит выяснить, **как объем производства приспосабливается к условиям рынка и как нормальная цена вследствие этого определяется состоянием устойчивого равновесия нормального спроса и нормального предложения.**

Типичным современным рынком часто считается такой, на котором промышленники продают свои изделия оптовым торговцам по ценам, включающим лишь небольшие торговые издержки. Однако, рассматривая вопрос более широко, мы можем считать, что цена предложения товара - это цена, по которой он поступает в продажу той группе людей, чей спрос на него мы в данном случае исследуем, или, другими словами, на том рынке, который мы здесь имеем в виду. От характера этого рынка зависит, какой размер торговых издержек следует принять в расчет, чтобы определить цену предложения...

Исчисляя издержки производства товара, мы должны учитывать тот факт, что изменение объема его производства, даже когда нет нового изобретения, обычно сопровождается изменением соотношения количеств различных факторов его производства. Например, когда масштаб производства возрастает, ручной труд, вероятнее всего, заменяется конной тягой или энергией пара, а сырье доставляется из более отдаленных пунктов и в большем количестве, увеличивая таким образом те производственные затраты, которые связаны с оплатой труда работников транспорта, комиссионеров и торговцев всякого рода.

Следовательно, наша исходная позиция такова: мы изучаем нормальный спрос и нормальное предложение в их наиболее общей форме; мы игнорируем те аспекты, которые характерны для частных областей экономической науки и сосредоточиваем внимание на тех широких отношениях, которые присущи всей науке в целом.

Так, мы допускаем, **что силы спроса и предложения действуют свободно**, что не существует прочного объединения торговцев на обеих сторонах, что каждый выступает самостоятельно и что широко разворачивается свободная конкуренция, т.е. что покупатели обычно беспрепятственно конкурируют с покупателями, а продавцы столь же беспрепятственно конкурируют с продавцами. Однако, хотя каждый выступает сам за себя, предполагается, что **его осведомленность о деятельности других обычно вполне достаточна, чтобы он не стал соглашаться продавать по меньшей цене или покупать по большей, чем все остальные.** Это в предварительном порядке принимается за истину как в отношении готовых изделий и факторов их производства, так и в отношении найма рабочей силы и ссуды капитала.

На таком рынке существует цена спроса на каждое количество товара, т.е. цена, по которой каждая отдельная порция товара способна привлечь покупателей в течение одного дня, или недели, или года. Характер условий, диктующих эту цену на каждое данное количество товара, в каждом случае различен, но во всех случаях чем большее количество товара предлагается на рынке к продаже, тем ниже цена, по которой он найдет себе покупателей, или, иными словами, **цена спроса** на каждый бушель зерна или ярд ткани **уменьшается по мере увеличения их предложения.**

Единицу времени можно избрать, сообразуясь с особенностями каждого конкретного случая; это может быть день, месяц, год или даже жизнь целого поколения, однако она должна охватывать период, который относительно короче периода существования рассматриваемого рынка. Следует предположить, что общая конъюнктура рынка остается неизменной на протяжении всего принятого периода, что, например, за это время не меняются мода или вкусы, никакой новый заменитель не влияет на спрос, никакое новое изобретение не воздействует на предложение.

Допустим, что это цена, ожидание которой как раз достаточно, чтобы поддерживать существующий совокупный объем производства; между тем одни фирмы развиваются и увеличивают свое производство, тогда как другие приходят в упадок и сокращают производство, но общий объем производства остается неизменным. **Более высокая, чем эта, цена усилила бы рост процветающих фирм** и замедлила, хотя и не приостановила бы, упадок терпящих неудачу фирм, в конечном итоге увеличив совокупный объем производства. С другой стороны, более низкая, чем эта, цена ускорила бы упадок стареющих фирм и замедлила бы рост процветающих, в целом сократив производство; **повышение или снижение цены так же, хотя и не в одинаковой степени, повлияло бы на те крупные акционерные компании,** которые часто переживают застой, но редко умирают.

Когда количество продукции (в единицу времени) таково, что цена спроса выше цены предложения, продавцы получают более чем достаточно, чтобы они сочли выгодным доставить указанное количество товара на рынок; при этом вступает в действие активная сила, стимулирующая увеличение предлагаемого к продаже количества товара. С другой стороны, когда количество произведенного товара таково, что цена спроса ниже цены предложения, продавцы получают менее чем достаточно, чтобы они сочли выгодным довести количество предлагаемого на рынке товара до этого уровня; в результате те из них, кто еще сомневается, стоит ли расширять производство, принимают решение его не расширять; при этом возникает сильная тенденция к тому, чтобы сократить количество товара, предлагаемого к продаже. Когда же цена спроса равна цене предложения, объем производства не обнаруживает тенденции ни к увеличению, ни к сокращению; налицо - равновесие.

Когда спрос и предложение пребывают в равновесии, количество товара, производимого в единицу времени, можно назвать равновесным количеством, а цену, по которой он продается, равновесной ценой.

Такое равновесие является устойчивым, т.е. цена при некотором отклонении от него будет стремиться к возвращению в прежнее положение подобно тому, как маятник колеблется в ту и другую сторону от своей низшей точки; мы увидим, что характерной чертой устойчивых равновесий является то, что при них цена спроса превышает цену предложения на величину, несколько меньшую, чем величина равновесного количества, и наоборот. Ведь когда цена спроса выше цены предложения, количество производимого товара имеет тенденцию возрастать.

Поэтому, когда цена спроса превышает цену предложения на количество, лишь немногим меньшее, чем равновесное количество, тогда при временном сокращении масштабов производства несколько ниже равновесного количества продукции возникнет тенденция к возвращению к равновесному его уровню, а в результате равновесие сохраняет устойчивость против отклонений в эту сторону. Если цена спроса больше цены предложения на такое количество товара, которое чуть меньше равновесного, она наверняка окажется ниже цены предложения на чуть большее количество товара, а поэтому, если объем производства несколько превышает его равновесное состояние, он будет стремиться вернуться в прежнее положение, равновесие окажется устойчивым против отклонений также и в этом направлении.

Когда спрос и предложение оказываются в положении устойчивого равновесия, то в случае, если что-нибудь сдвинет объем производства с его равновесного состояния, немедленно начнут действовать силы, толкающие его к возврату в прежнее положение, точно так же как если подвешенный на веревке камень сместить с его равновесного состояния, он немедленно устремится назад, в свое равновесное положение. Движение объема производства относительно своей точки равновесия будет носить примерно такой же характер.

Ю

Понимание либертарно-юридического права как этапа формирования исходного имманентного правового принципа формального равенства — принципа единства трех сущностных свойств права

Понятийная либертарно-юридическая теория права и государства основана на понимании права как некоторой целостности, состоящей из

правовой сущности и из правовых явлений, и включает в себя определенную **концепцию различения** и вместе с тем **совпадения, соответствия и сочетания** сущности и явления в праве. Внутреннюю основу права, его **сущность** составляют **исходный принцип формального равенства** и производное от этого исходного принципа **исходное единое (общее) понятие права и государства**, являющее собой форму выражения исходного принципа в общественной жизни людей. Под **правовыми явлениями** имеются в виду официально установленные законы, наличная официальная власть, поведенческие акты субъектов социальной жизни и их взаимоотношения и т.д. Закон, другие правовые явления могут как соответствовать сущности права, т. е. быть **правовыми**, так и не соответствовать, т. е. быть **неправовыми**.

Как сущность и формальное содержание права, как основа правового типа (правовой формы) взаимоотношения людей, мерило правового качества и правовой ценности юридических доктрин (теорий), правоустановления и правореализации (правоприменения) **принцип формального равенства** включает в себя **три находящихся в единстве**, подразумевающих друг друга и несводимых друг к другу сущностных свойства (компонента): **1) формальную свободу** индивидов в их взаимоотношениях (их формальную независимость друг от друга и вместе с тем подчинение единой равной мере, действие по единой общей форме с учетом их статуса и круга отношений); свободу взаимоотношений в равенстве (в уравнивании, установлении баланса интересов); **2) формальное равенство** (уравнивание, установление баланса интересов) индивидов в свободе их взаимоотношений в сфере их частных и публичных интересов; равенство (уравнивание, установление баланса интересов) в свободе взаимоотношений; **3) формальную справедливость** во взаимоотношениях индивидов как выражение достигнутого равенства (уравненности, баланса интересов) в свободе взаимоотношений.

Исходное единое (общее) понятие права и государства как форма выражения исходного принципа формального равенства представляет, таким образом, форму выражения всеобщих и необходимых форм свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей.

Свобода предполагает равенство (всеобщую равную меру) и справедливость, равенство — свободу и справедливость, справедливость — равную меру и свободу.

Свобода, равенство и справедливость как свойства правовой сущности (моменты принципа формального права) носят формальный (формально-содержательный, а не фактически-содержательный) характер, они возможны и выразимы лишь в правовой форме. Другой формы бытия и выражения равенства, свободы и справедливости в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело. Да это и невозможно ни логически, ни практически. Резюмируя, можно отметить, что формальное содержание права состоит в формальной свободе, формальном равенстве и формальной справедливости в общественной жизни людей.

Свобода, равенство и справедливость как составные моменты (компоненты) правовой формы отношений образуют **триединство**: они взаимосвязаны, предполагают и дополняют друг друга, поскольку представляют собой различные проявления (различные аспекты и формы проявления) единого начала — правового принципа формального равенства. Триединство компонентов — это форма бытия и выражения сущности права, принципа формального равенства: если наличествует формальная свобода индивидов, но нет формального равенства (равной для всех нормы и меры) или если наличествуют и формальная свобода, и формальное равенство, но нет формальной справедливости (уравненности индивидов в их свободе на основе равной для всех нормы и меры), то нет принципа формального равенства и права как сущности. Нет триединства — нет права.

Право выступает в качестве формальной конкретно-исторически обусловленной меры свободы». Правовое равенство является результатом сознательного (мыслительного) абстрагирования от фактических различий, которые присущи уравниваемым субъектам правовой формы общения.

Такое уравнивание предполагает наличие фактических различий и вместе с тем их незначимость с точки зрения соответствующего критерия (основания) уравнивания, а именно **свободы индивида** в общественных отношениях, которая признается, выражается и утверждается в форме его правосубъектности и правоспособности. **Свобода — это правоспособность субъекта**. Аналогичным образом понятие свободы определяется в философии права Гегеля. Рассматривая человека как субъекта «абстрактного права», он отмечал, что человек здесь выступает в качестве абстрактного и свободного «я». Такая единичная воля есть лицо, личность. Личность «содержит вообще правоспособность»...

Либертарно-юридическая концепция свободы основывается на положении о том, что определяющей («финальной») причиной возникновения права и государства служит появление **свободных индивидов как носителей свободы** и что свобода как формально-правовое явление может существовать лишь в государственно-правовой форме, т. е. в условиях, когда право и государство являются по своей сути формами выражения свободы — принципа формального равенства в общественной жизни людей.

Свобода индивидов понимаемая как свобода выражения, согласования и реализации их интересов, она может быть осуществлена корректно и в полной мере лишь в рамках концепции свободы. Свободные индивиды определяются как «материя», носители, суть и смысл права и государства, а право — как «математика» свободы, как бытие и выражение общего масштаба и равной меры, предназначенных для уравнивания индивидов в их свободе, установления баланса их интересов. «Своим общим масштабом и равной мерой право измеряет, «отмеряет» и оформляет **именно свободу индивидов**, свободу в человеческих взаимоотношениях — в действиях, поступках, словом, во внешнем поведении людей. **Дозволения и запреты** права как раз и представляют собой **нормативную структуру и**

оформленность свободы, границы между свободой и несвободой на соответствующей ступени исторического развития. Свобода индивидов и свобода их воли — понятия тождественные. **Право — это форма свободы людей, т. е. свободы их воли.**